

Криптограмма Дионисия Суздальского¹

© 2022

УДК 73.03(470.24-25)"13"

ББК 85.13(2)

Ц18

Поступила в редакцию 29.10.2022

Ковчег архиепископа Дионисия Суздальского, происходящий из Благовещенского собора Московского Кремля, был создан в 1383 г. по заказу суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича как вместилище реликвий Страстей Христовых, привезенных из Константинополя архиепископом Дионисием, вернувшимся на Русь 6 января этого года [ПСРЛ. Т.15. С.147–148]² [ил. 1]. Торжественно перенесенный из Суздаля в Москву в 1401 г., ковчег стал одной из главных реликвий великокняжеского дома. В духовной Василия Дмитриевича 1417 г. он упомянут как «Большие страсти», открывая перечень святынь, которыми великий князь благословил своего наследника [Духовные и договорные грамоты, 1950. С. 59].

Как выдающееся произведение древнерусского декоративно-прикладного искусства ковчег изучен к настоящему времени весьма основательно. Относительно места его изготовления высказывались разные точки зрения. В новейшем исследовании памятника И.А. Стерлигова приходит к выводу об исполнении ковчега в Нижнем Новгороде и характеризует его как единственный значительный памятник полностью утраченной художественной культуры Нижегородского княжества эпохи его расцвета [Стерлигова, 1999. С. 300]. Историкам древнерусской письменности ковчег известен в первую очередь по публикации его многочисленных надписей, осуществленной Б.А. Рыбаковым [Рыбаков, 1964. С. 46–47]. Помимо традиционных подписей к священным фигурам эти надписи включают следующие тексты: 1) подпись к главной ре-

- 1 Статья написана в рамках проекта РФФИ № 21-59-14005 «Хожения и эпиграфика: паломнические надписи, географическая мобильность и благочестие между Византией и Русью (V–XV века)».
- 2 Основную литературу о памятнике см.: [Маханько, 2014. С. 182–183]. Высококачественное фотовоспроизведение см.: URL: <https://collectiononline.kreml.ru/entity/OBJECT/41950?query=ковчег+дионисия&index=0> (дата обращения: 14.12.2022).

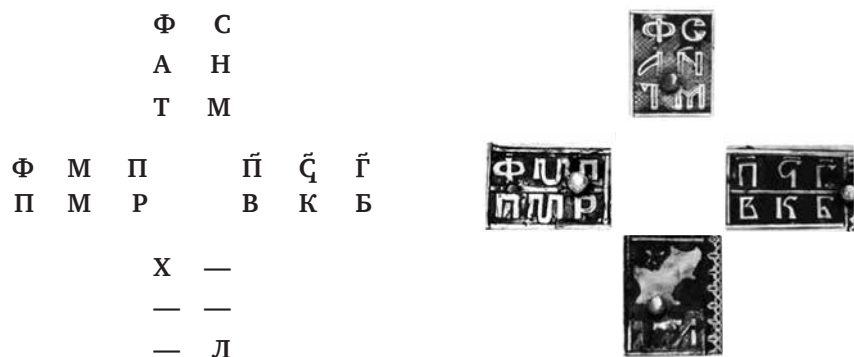
ил.1 Ковчег
Дионисия
Суздальского. Оклад
1383 г.

fig.1 Ark
of Dionysius
of Suzdal. Cover
1383

ликов — частице Истинного креста, помещенная четырьмя порциями у концов крестообразного углубления в центре ковчега; 2) примыкающая к этой надписи тайнопись из 24 крупных букв; 3) кольцеобразные надписи вокруг 16 оконеч, называющие содержащиеся в них реликвии; 4) расположенная по периметру основного квадрата летопись, излагающая историю приобретения реликвий в Константинополе, их доставки на Русь архиепископом Дионисием и создания ковчега князем Дмитрием Константиновичем. Соединение имен этих двух деятелей ставит ковчег в ближайшее отношение к Лаврентьевской летописи 1377 г., написанной по благословлению тогда еще епископа Дионисия для князя Дмитрия Константиновича. Дионисия, чья богословская образованность была высоко оценена не только на Руси, но и в Византии, И.А. Стерлигова [Стерлигова, 2000. С. 48–50] считает автором общей программы Ковчега, замечая, что надписи, «отличающиеся изяществом слога и пространностью, могут быть несомненно включены в корпус литературных произведений Дионисия Суздальского». Правда, собственно «корпус» сочинений прославленного архиерея ограничивается одним текстом — грамотой псковскому Снетогорскому монастырю 1387 г. Но от этого значение надписей ковчега для характеристики личности Дионисия только возрастает.

Хотя передача Б.А. Рыбаковым текстов надписей ковчега была в ряде моментов уточнена в последнем описании памятника [Там же. С. 46], их комплексный филологический анализ до сих пор не предпринимался и остается актуальной задачей. Предваряя его, мы в настоящей заметке сосредоточимся

на одной надписи — до сих пор не прочитанной тайнописи по сторонам центрального креста. Ее, как уже было сказано, образуют 24 крупного размера буквы, размещенные блоками по шесть букв в четырех прямоугольных рамках по сторонам крестообразной подписи к частице Истинного креста. Над некоторыми из букв стоят титла, с полной уверенностью идентифицируемые только над буквами в верхнем ряду правого сегмента. Нижняя четверть надписи повреждена, и в ней читаются только две буквы из шести. Схематически расположение надписи выглядит так:

Б.А. Рыбаков только упомянул «четыре криптограммы, пока не расшифрованные» [Рыбаков, 1964. С.47]. Подробнее других высказалась о криптограмме И.А. Стерлигова: «По сторонам этой надписи (подписи к частице Креста. — А.Г.) — по шесть крупных букв в две строки, большинство из них под титлами. Значение их неясно, вероятно, это обозначение эпитетов креста. В литературе существует мнение, что это начальные буквы греческих слов, однако последняя буква внизу — русская («буки»). Безусловно греческая здесь лишь «коппа» (вторая вверху слева), но и это не дает нам оснований считать зашифрованный текст греческим, ведь «коппа», которая здесь под титлом, использовалась на Руси наряду со славянской «червь» для обозначения числа 90. Для XIV в. этот знак можно уже считать старинным, но все же употребляемым. Следует заметить, что все буквы кроме «буки» имеют цифровое значение, по всей видимости, здесь мы встречаемся с одним из видов литореи, где использовались буквенные значения цифр, причем буквы, не обозначающие числа, писались на своем месте. Будущая расшифровка этой надписи ковчега, к сожалению, усложняется и тем, что на нижней пластине из шести уцелели только две буквы» [Стерлигова, 1999. С.282–283].

Единственная известная нам попытка дешифровать тайнопись ковчега была сделана Е. Мутафовым в книге о христианской криптографии [Мутафов, 2017. С.76]. Приведенная им транскрипция в одном пункте расходится с записью И.А. Стерлиговой [Стерлигова, 2000. С.46], а именно, знак Ϛ Мутафов читает не как коппу, а как стигму (Στ); впрочем, эта часть надписи болгарским исследователем не комментируется. Относительно же начала текста он предполагает, что «Φ почти наверняка означает Φῶς [...], ΑΝ —

ανθρώπου, ΤΜ — τίμιου, Φ — φαίγγει, Μ — μυστήρια, Π — πάσα... = Φῶς [του] Ανθρώπου [του] Τίμιου Φαίγγει [τα] Μυστήρια Πάσα... или „Свет Праведного человека освещает все таинства...“. По мысли Мутафова, мы имеем дело с «репликой» буквосочетания ΦΧΦΠ — самой известной из тетраграмм, встречающихся в памятниках византийского и поствизантийского времени при изображениях креста. Эта тетраграмма однозначно раскрывается как Φῶς Χριστοῦ Φαίνει Πᾶσιν «Свет Христов светит всем»³. К сожалению, более близких параллелей, которые бы подкрепляли эту трактовку, Е. Мутафов привести не смог, а отсутствие интерпретации для трех других объединений букв делает ее сугубо гадательной⁴.

Между тем, сопоставляя тайнопись ковчега с тетраграммой ΦΧΦΠ, Е. Мутафов был в двух шагах от разгадки. Эта тетраграмма складывается из первых букв четырех шестибуквенных блоков, если читать их в порядке совершения крестного знамения при благословлении — сверху вниз, слева направо. В том же порядке читается и подпись к частице Истинного креста, к четырем частям которой примыкают блоки криптограммы. Но особенно замечательно следующее: при прочтении таким же образом букв, парных к образующим тетраграмму ΦΧΦΠ, мы получаем не что иное, как славянский перевод этой тетраграммы: С(Χ)ΠΒ — Свѣтъ Христовъ Просвѣщаетъ Всѣхъ. Алгоритм прочтения тайнописного текста выясняется таким образом с полной определенностью: его составляют не четыре «гексаграммы» (как это представлялось Б.А. Рыбакову и Е. Мутафову), а три пары традиционных тетраграмм в их греческой и славянской версиях. Вычислив этот алгоритм, прочесть остальное уже не составляет труда. Буквы в нижнем ряду верхнего блока и их соответствия в других блоках, расположенные в том же порядке, образуют пару акронимов, хорошо известную по греческим и славянским образцам «крестных словес»:

Τ[Κ]ΠΓ = Τόπος κρανίου Παράδεισος γέγονε
 ΜΛΡΒ = Μῆστο Λοβное Ραι Βυсть.

Несколько сложнее обстоит дело со средней парой, в которой буквы на второй позиции, читавшиеся на нижнем блоке, в настоящее время утрачены как в греческой (Α-ΜϚ), так и в славянской (Η-ΜΚ) версиях. Однако лакуна в греческой версии заполняется однозначно: перед нами тетраграмма Α(Π) ΜϚ — одна из наиболее распространенных и рано засвидетельствованных на византийской почве. Н.В. Покровский [Покровский, 2001. С.356], обнаруживший

- 3 Фраза многократно засвидетельствована в виде надписи на византийских глиняных светильниках VI–VI вв., где она обычно выступает в полной записи, хотя встречаются и аббревиатуры, например ΦΧΦ [Loffreda, 2001. P.28. № 41; цит. по: Чаковская, 2019. С.46]. Древнейшим примером четырехбуквенного акронима ΦΧΦΠ считается надпись на процессионном кресте из Византийского и христианского музея в Афинах, датированном VI в. [Rhoby, 2013], однако систематически он появляется лишь начиная с XI в.
- 4 Приходится отметить и следующее недоразумение: введенный в заблуждение словом «ковчег», Е. Мутафов полагает, что ковчег Дионисия Суздальского — это рака святого.

ее в ватиканской рукописи слов Григория Богослова 1063 г. (Vat. gr. 463; в миниатюрах встречается и тетраграмма **ΦΧΦΠ**), раскрыл это сокращение как «**Αδάμ Πελτοκώς** или **Πρωτόπλαστος Μετέστη Σταυρῶ** (Адам падший или первозданный восстал крестом)». В настоящее время известно еще как минимум четыре версии, в разной степени расходящиеся между собой и одинаково удаленные от чтения Покровского [1]:

[2] **Ἀρχὴ Πίστεως Μωσαϊκός Σταυρός** [Geltzer, 1902. S. 441; Millet, Pagoire, Petit, 1904. P. 184];

[3] **Ἀρχὴ Πίστεως Μυστηρίου Σταυρός/ Σταυροῦ** [Walter, 1997. P. 211; Babić, 1979. P. 8];

[4] **Ἅγιον Πάσχα Μυστηρίον Σταυροῦ** [Gamillscheg, 2015. S. 26];

[5] **Μαρτύριον Σταυροῦ Ἀνάστασις Πάντων** [Džurova, 2002. P. 69] (с иной последовательностью знаков).

Параллельная славянская версия тетраграммы на ковчеге Дионисия позволяет сделать выбор из этого набора альтернативных решений. Начальное **Н** исключает чтения [1], [4] и [5], а **М** на третьей позиции — варианты [3] и [4]. Единственное прочтение, выдерживающее этот «славянский тест», — [2]. Независимым образом его верифицирует раскрытие сокращения в трактате «О крестной силе», известном в русских списках с конца XV в. (см. публикацию текстов [Авдеев, 2009. С. 121–123]). В старейшем списке, читаемом в служебнике 1474 г. из собрания Троице-Сергиевой лавры, перечень «крестных словес» завершает триада, идентичная составу тетраграмм ковчега, только помещающая их в обратном порядке: «Начало вѣрѣ моисеискии кр(с)тъ. Мѣсто лобное раи бы(с). Свѣтъ Хѣвъ просвѣщает всѣ(х) на(с)» (РГБ. Ф. 304/1. Д. 223. Л. 176). Та же триада находится и при изображении креста в греческой рукописи XVII в. из собрания Центра славяно-византийских исследований им. Ивана Дуйчева в Софии (Cod. Suppl. D. gr. 1 [Džurova, 2002. P. 69])⁵. Как видим, состав тетраграмм ковчега отражает устойчивую традицию, сложившуюся на византийской почве и перенесенную на Русь.

Итак, криптограмма на ковчеге Дионисия Суздальского прочитывается как содержащая три греческие тетраграммы с параллельными славянскими версиями:

1 а. **ΦΧΦΠ**: **Φῶς Χριστοῦ Φαίνει Πᾶσιν**;

2 б. **С(Х)ПВ**: **Свѣтъ Христовъ Просвѣщаетъ Всѣхъ**;

2 а. **Α(Π)ΜС**: **Ἀρχὴ Πίστεως Μωσαϊκός Σταυρός**;

2 б. **Н(В)МК**: **Начало Вѣрѣ Моисеискии Крестъ**;

3 а. **Т[К]ΠΓ**: **Τόπος Κρανίου Παράδεισος Γέγονε**;

3 б. **МЛРБ**: **Мѣсто Лобное Раи Бысть**.

5 Те же три тетраграммы в сочетании с четвертой — **ΦΦΦΦ**, раскрытой как **θεοῦ θέα θεῖον θαῦμα**, выступают в граффито в монастыре Св. Наума под Охридом [Geltzer, 1902. P. 441]. С добавлением еще одного акронима — **ΤΤΔΦ** (**Τούτο τον Τύπον Δαίμονες Φρίττουσι**) эта четверка представлена на энколпионе 1772 г. из Ватопеда [Мутафов, 2017. С. 190] — расшифровка Хр. Андреева [Там же. С. 51].

Смысловая связь между тремя максимами, сочетание которых, как мы только что заключили, носит устойчивый характер, раскрывается при анализе их источников. Слова «Свѣтъ Христовъ Просвѣщаетъ Всѣхъ» представляют собой, как известно, возглас священника из Литургии Преждеосвященных даров. Произнося их, священник крестообразно осеняет народ светильником с зажженной свечой, чем и объясняется использование тетраграммы как подписи к кресту. Менее известно, что и слова «Мѣсто Лобное Раи Бысть» являются литургической цитатой. Из писавших о тетраграммах на это обратила внимание только Г. Бабич, указавшая на присутствие фразы **Τόπος κρανίου παράδεισος γέγονε** среди инципитов византийских гимнографических текстов в своде Э. Фолльери [Babić, 1979. P. 11; Follieri, 1963. P. 254]. Обращение к источникам показывает, что мы имеем дело со стихирой из Параклитика (как в греческой традиции именуется Октоих). В аналогичном индексе, составленном на материале древних славянских рукописей [Stern, 2008], соответствующий инципит отсутствует, но поиск в церковнославянском подкорпусе Национального корпуса русского языка обнаруживает его в стихире среды и пятницы 5-го гласа Октоиха: «Мѣсто лобное рай бысть: точію бо водрузися древо крестное, абіе израсти гроздь животный, тебе, Спасе, въ наше веселіе, слава тебѣ». Также среди песнопений среды и пятницы, но только 8-го гласа Октоиха, находится текст, к которому может восходить фраза «Начало Вѣры Моисеевъ Крестъ». Ср. в Октоихе: «Моисеевъ жезлъ проображаше честный крестъ твой, спасе нашъ: тѣмъ бо спасаеши, яко изъ глубины морскія, люди твоя челоуѣколюбче». Хотя, в отличие от двух других выражений, здесь мы имеем дело не с прямым цитированием, ясно, что стоящая за акронимом фраза имеет в виду именно жезл Моисея как прообраз Креста. Тот факт, что оба акронима, добавленные к «базисному» **ΦΧΦΠ**, связаны — как цитата и реминисценция — со службами среды и пятницы — дней, посвященных воспоминанию Страстей Христовых, далеко не случаен: именно в эти дни в Великий пост служится Литургия Преждеосвященных даров, к которой восходит сама базисная тетраграмма.

Охарактеризуем теперь место криптограммы ковчега в древнерусской традиции «крестных словес». А.Г. Авдеев, которому принадлежит наиболее полное исследование этой традиции, подразделяет ее развитие до конца XVI в. на три периода:

«— XII–XIV вв. Период зарождения традиции. Появление первых буквенных аббревиатур на крестах малых форм — энколпионах. К этому времени можно отнести общеупотребительные монограммы **IC XC**, **ЦРЬ СЛВЫ**, **НИКА**;

— последняя четверть XIV — первая половина XV в. Период совместного бытования греческих и славянских акронимов;

— последняя четверть XV — конец XVI в. Период создания собственно русских акронимов и их систематизации» [Авдеев, 2009. С. 120].

Прежде чем обратиться к интересующему нас второму периоду, сделаем два уточнения к характеристике первого. Ограничивать энколпионами сферу

употребления традиционной подписи к кресту ИС ХС НИКА не следует: она широко представлена и в храмовой эпиграфике древнейшего периода (см., например, [Медынцева, 1978. С. 72, 237 (рис. 56), № 72]). С другой стороны, недавние находки выявили два относящихся к домонгольскому времени примера акронима ФХФП (в Софии Новгородской и Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского)⁶. Несмотря на это можно по-прежнему говорить о последней четверти XIV в. как о начале нового этапа в развитии традиции. По убедительному предположению А.Г. Авдеева, расширение круга «крестных словес» в этот период было одним из проявлений второго южнославянского влияния на древнерусскую культуру, при этом главный путь проникновения на Русь новых крестных акронимов лежал через Афон и Сербию. Самым ранним памятником, представляющим эту тенденцию, являются подписи к кресту на фреске в жертвеннике церкви Спаса Преображения на Ковалеве, роспись которой, датируемая 1380 г., была выполнена южнославянскими мастерами. Согласно описанию в [Авдеев, 2009. С. 107–109] здесь, помимо традиционного ИС ХС Н К (НИКА) представлена греческая тетраграмма ФХФП и славянские аббревиатуры ЦРЪ С(ЛВЫ) и Т К («трость, копие»). При этом первая почему-то находится не на обычном месте вверху креста, а в его нижней части, под буквами ТК, которые, в свою очередь, расположены не в том порядке (КТ), в котором мы находим их в подписании орудий Страстей на крестах и иконах более позднего времени⁷. Причину этих отклонений разъяснила фотография, любезно предоставленная нам Т.Ю. Царевской [ил. 2]: на ней видно, что вместо лигатуры ЦР следует читать ПР, а вместо С (имеющего совсем другой вид в ИС) — Г с частично утраченной, но просматриваемой горизонталью. Перед нами записанная в две строки тетраграмма ТКПРГ — Τόπος Κρανίου Παράδεισος Γέγυνε. Таким образом, фреска церкви Спаса на Ковалеве, действительно представляя самое раннее свидетельство новой волны использования «крестных словес» на Руси, содержит только греческие аббревиатуры.

На этом фоне ковчег Дионисия, практически синхронный ковчегской росписи, выглядит как произведение новаторское. На нем мы впервые на русской почве встречаем славянские версии крестных акронимов, причем в соположении с греческими версиями. Для южнославянской традиции этот параллелизм совершенно нехарактерен: Г. Бабиц, анализируя материал фресок сербских церквей XIII — XIV вв., приводит только один пример греко-славянского соответствия — пару ТКПГ ~ МЛРБ [Babić, 1979. P. 11], иллюстрируя первый член этой пары примером из Грачаницы, а второй — из церкви Св. Апостолов в Пече. Лишь в поствизантийское время, в росписи церкви Св. Георгия

⁶ Обе надписи, прочитанные С.М. Михеевым, пока не опубликованы; используем материал готовящихся к изданию сводов надписей-граффити этих храмов.

⁷ Характерно, что в каталог крестных аббревиатур, помещенный в приложении к статье А.Г. Авдеева [Авдеев, 2009. С. 133], надпись ошибочно включена в виде КТ, при том, что в тексте статьи [Там же. С. 107] она передана правильно.

ил. 2 Фреска в жертвеннике церкви Спаса Преображения на Ковалеве близ Новгорода. 1380 г.

fig. 2 Fresco in the altar of the Church of the Transfiguration of the Savior on Kovalevo. 1380

Кремиковского монастыря, датированной 1493 г., мы находим эту пару тетраграмм у подножия двух симметрично расположенных крестов, окруженных один славянскими, другой — греческими акронимами; при этом в остальном наборы акронимов не пересекаются [см. Караджова, 2004–2005. С. 420–421]. Редким исключением выглядит и гибридная тетраграмма ФХПВ (греч. ФХФП + слав. СХПВ) в сербской Псалтири 1370 г. из Хиландаря [Там же. С. 424].

Еще одна редкая особенность акронимов ковчег — расположение букв у концов креста в порядке совершения крестного знамения. Обычные для (пост)византийских, сербских и русских тетраграмм способы оформления — запись в одну строку (с возможным разделением пополам вертикалью креста, по образцу универсального ИС ХС НИКА) или же помещение букв по одной в четырех секторах креста. А. Роби приводит лишь два поздних примера тетраграмм с тем же порядком расположения букв, что и на ковчеге: из парижской рукописи с произведениями патриарха Германа II (Cod. Par. Coisl. 278), где так записан акроним ФХФП (рукопись XIII в., но рисунок креста выполнен позже), и из уже упоминавшейся рукописи из собрания Центра Дуйчева (Cod. Suppl. D. gr. 1), где в этом порядке расположена тетраграмма АПМС, в то время как две другие, ФХФП и ТКПГ, занимают каждая одну строку [Phoby, 2018. S. 75–76, 78]. Из материалов Д. Караджовой этот порядок представлен лишь рисунком в сербском Райковом четвероевангелии XIV в. из собрания

Загребской академии наук [Караджова, 2004–2005. С. 442, рис. 7]. И здесь таким образом расположен только один из двух акронимов — ТКПГ, тогда как буквы другого — АПМС — помещены в секторах креста.

Как видим, на фоне византийско-славянской традиции «крестных словес» криптограмма ковчега Дионисия демонстрирует ярко выраженную индивидуальность. Известную ему форму христианской криптографии ее создатель модифицировал введением двух новых конструктивных принципов — соположения греческого и славянского текстов и нетрадиционного (и при этом символически более выразительного) крестообразного размещения букв. Последовательное проведение этих принципов придает криптограмме структурное единство и полную симметрию, которой подчинена иконография ковчега в целом (ср. расположение шестнадцати круглых оконеч с реликвиями в четырех секторах креста). Композиция криптограммы затрудняет вычленение текста отдельных акронимов из сложного целого, которое они образуют. Можно думать, что эта затрудненность входила в замысел автора. Если и в обычной сокращенной записи «крестные словеса» были воплощением эзотерического сакрального знания, то в такой, намеренно усложненной, форме они становились тайной «в квадрате». Буквы криптограммы, выделяющиеся своим размером — они почти вдвое больше букв остальных надписей ковчега, — не могли не вызывать повышенного интереса зрителя, побуждая его к интерпретации. Поскольку в последней четверти XIV в. «крестные словеса» были на Руси еще в новинку, справиться с этим вызовом мог лишь небольшой круг посвященных. Некоторую подсказку к прочтению криптограммы дает пространная подпись к помещенной в центре ковчега частице Истинного креста, читаемая, как уже было сказано, в том же порядке, что и буквы тетраграмм. Но эта подсказка одновременно дезориентирует, вызывая ложное восприятие четырех шестибуквенных блоков как кодирующих связные тексты.

Есть все основания считать, что автором уникальной криптограммы, венчающей детально разработанную иконографическую и текстовую программу ковчега, был сам архиепископ Дионисий, которого летописец, сообщая о возведении его на Суздальскую кафедру, характеризует как «мужа... хитра, премудра, разумна, промышленна же и расъсудна, изящна в Божественных писаниих, учителна и книгам сказателя» [ПСРЛ. Т. 15. С. 105]. Как авторское произведение Дионисия криптограмма оказывается важным, хотя и косвенным аргументом в вопросе о том, к какому монашескому течению принадлежал суздальский владыка, прославившийся устройством в своей епархии общежительных монастырей. Тот факт, что первым из них был Печерский Вознесенский монастырь в окрестностях Нижнего Новгорода, дал основание агиографической традиции, согласно которой Дионисий был выходцем из Киево-Печерского монастыря. Этой точке зрения, разделявшейся большинством церковных историков начиная с Евгения Болховитинова, в последнее время противопоставлена другая, предполагающая в Дионисии последователя и, возможно, ученика св. Григория Синаита († ок. 1346), под-

визавшегося на Афоне и в основанной им Парорийской обители в Болгарии. Свидетельство этого А.А. Булычев [Булычев, 2006. С. 92–93] видит в посвящении главного престола нижегородского Печерского монастыря не Успению Богородицы (что было бы естественно для киево-печерского постриженника), а Вознесению Христову: отсутствовавшие в ту эпоху в Константинополе и большинстве других центров православной ойкумены Вознесенские монастыри в немалом количестве существовали между тем на Афоне и в Сербии. «Балканские» предпочтения Дионисия усматривают и в составе икон, которые он, согласно гипотезе Г.В. Попова, привез из Византии для храмов своей епархии [Попов, 1994. С. 119–122]. Расшифровка криптограммы Дионисия хорошо согласуется с этой гипотезой: как уже говорилось, именно Афон и Сербия были территорией, на которой в XIII–XIV вв. процвела и с которой распространилась на Русь традиция «крестных словес».

Двуязычная криптограмма на крупнейшем русском реликварии своего времени, каким был ковчег Дионисия, должна была сыграть не последнюю роль в этой передаче традиции. В более широком контексте греко-русских культурных связей эпохи ее стоит сопоставить с еще одним текстом, имеющим прямое отношение к Дионисию Суздальскому, — выходной записью Лаврентьевской летописи 1377 г. Как обнаружил Г.М. Прохоров [Прохоров, 2014. С. 322–324], начало записи Лаврентия представляет собой перевод ямбического стихотворения, известного по колофонам целого ряда греческих рукописей XIII–XIV вв. Поскольку вдохновителем создания летописи (а по гипотезе Г.М. Прохорова [Прохоров, 2014. С. 329–360] — и ее редактором) был Дионисий, кажется вполне вероятным, что форму выходной записи подсказал Лаврентию именно он. В связи с этим обратим внимание на следующую графическую особенность памятника: начиная с Л. 150 Лаврентий регулярно записывает слово зѣло как .ѣ., то есть использует букву под титлом как идеограмму, читаемую как название этой буквы. Этот графический прием встречается в целом ряде русских рукописей второй половины XIV — начала XV в. (см. перечень: [Баранкова, 2013], без упоминания Лаврентьевской летописи). Сама хронология этих памятников подталкивает к тому, чтобы считать данную черту новшеством начального периода второго южнославянского влияния, что косвенно подтверждается обнаружением ее в хорватских глаголических памятниках XIV в. [MacRobert, 2008. P. 323]⁸. Обращает на себя внимание наличие среди русских рукописей, знающих этот прием, нескольких списков «Диоптры» Филиппа Пустынника. Последняя, как предполагается, была переведена на Афоне или в Парорийском монастыре в Болгарии в среде

⁸ Этому, заметим, не противоречит окказиональное использование данного приема в памятниках домонгольского времени, например, в криптограмме при рисунке креста в Архангельском евангелии 1092 г. [Гилпиус, Михеев, 2021. С. 81–82]. Точно так же отдельные примеры тетраграммы ФХФП в памятниках этого периода не противоречат выводу о южнославянском источнике новой волны распространения «крестных словес» на исходе XIV в.

монахов-исихастов, связанных с Григорием Синаитом [Диоптра, 2008. С.29–51]. Нетрудно заметить связь между этой орфографической чертой и традицией «крестных словес», сокращениями которых также выступают буквы под титлами — с той разницей, что в этой традиции такая запись может читаться как любое слово, начинающееся с соответствующей буквы, а не только как ее азбучное название. Если Дионисий Суздальский действительно принадлежал к кругу учеников Григория Синаита, использование Лаврентием этого способа сокращения оказывается проявлением общей культурной ориентации его патрона, еще более выразительно заявившей о себе в криптограмме ковчега.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А.Г. Из истории древнерусской эпиграфики и ставрографии. 3. К вопросу о происхождении и развитии буквенных акронимов на Голгофских крестах в Древней Руси // Проблемы теологии. Вып. 5. Материалы 5-й междунар. богословской науч.-практ. конф. Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2009. С.103–162.
- Бульчев А.А. Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й половины XIV столетия (судьба святителя Дионисия Суздальского) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 87–121.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М. К прочтению записей Архангельского евангелия 1092 г. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 78–97.
- «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья / Изд. подгот. Г.М. Прохоров, Х. Миклас, А.Б. Бильдюг; отв. ред. М.Н. Громов; Ин-т философии РАН; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; Гос. исторический музей. М.: Наука, 2008. 733 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.
- Караджова Д. За съдържанието за някои криптограми около изображението на кръста // Археографски прилози. 26–27. Београд, 2004–2005. С. 413–448.
- Маханько М.А. Ковчег архиепископа Дионисия Суздальского // Православная энциклопедия. Т. XXXVI. М., 2014. С. 182–184.
- Мутафов Е. Христианска криптография. Функционална типология на криптограмите в православното изкуство. София: Институт за изследване на изкуство БАН, 2019. 214 с.
- Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 564 с.
- Попов Г.В. Древнейшая икона Иоанна Рыльского в России и Дионисий Суздальский. Опыт интерпретации документа конца XVI в. // Искусство Древней Руси. Проблемы иконографии. М.: Рос. Академия художеств, НИИ теории и истории изобразительного искусства, 1994. С. 117–135.
- Прохоров Г.М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2014. 416 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 15. 2-е изд. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922.
- Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1–44. М.: Наука, 1964. 48 с.

- Стерлигова И.А. Ковчег Дионисия Суздальского // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 1999. С. 280–303.
- Стерлигова И.А. Ковчег Дионисия Суздальского // Христианские реликвии в Московском Кремле. М.: Радуница, 2000. С. 45–52.
- Чаковская Л.С. Светильники диалога: христианские лампы византийского периода с менорой и их культурный контекст // Вещь, символ, знак в славянской и еврейской культурной традиции. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 43–61.
- Яцимирский А.И. К истории ложных молитв в южно-славянской письменности. II. «Похвала Кресту» как молитва и толкования «крестных словес» // Известия отделения русского языка и словесности. Т. XVII, кн. 3. СПб., 1913. С. 22–51.
- Babić G. Les croix à cryptogrammes, peintes dans les églises serbes des XIIIe et XIVe siècles // Byzance et les Slaves: études de civilisation, Mélanges Ivan Dujčev, Paris: Association des amis des études archéologiques des mondes byzantino-slaves et du christianisme oriental, 1979, pp. 1–13.
- Džurova A. Les codices unici dans Byzance après Byzance. Suppl. D. gr. du XVIIe siècle, manuscrit inédit teint en pourpre du Centre de Recherches Slavo-Byzantines “Ivan Dujčev” (Notes préliminaires) // Palaeoslavica. 2002, Nr. 10/1, pp. 65–78.
- Gamillscheg E. Bemerkungen zu Kreuzdarstellungen mit Tetragrammen // Estudios bizantinos. 3 (2015), pp. 21–28.
- Gelzer H. Byzantinische Inschriften aus Westmakedonien // Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts, Athenische Abteilung, 1902, Nr. 27, pp. 431–444.
- Loffreda S. Light and Life. Ancient Christian Oil Lamps of the Holy Land. Jerusalem, Franciscan Printing Press, 2001. 56 p.
- MacRobert C.M. Alphabetic Suspension in Glagolitic and Cyrillic Manuscripts // Slovo. Sv. 56–57 (2006–2007). Zagreb, 2008, pp. 319–332.
- Rhoby A. Secret Messages? Byzantine Greek Tetragrams and Their Display // Ars-Hist Papers. 2013, no. 1. URL: <http://art-hist.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=72> (дата обращения: 20.10.2022).
- Rhoby A. “Das Licht Christi leuchtet allen” — Form und Funktion von Kreuzen mit Tetragrammen in byzantinischen und postbyzantinischen Handschriften // Byzantine and Post-Byzantine Art: Crossing Borders. Ed. E. Moutafov, I. Toth. Sofia, 2018, pp. 71–90.
- Walter Ch. IC XC NIKA. The Apotropaic Function of the Victorious Cross // Revue des études Byzantines, 1997, no. 55, pp. 193–220.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Криптограмма Дионисия Суздальского

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гиппиус Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, академик РАН, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., д. 21/4, Москва, Российская Федерация, 105066. agippius@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Тайнописный текст из 24 букв, выделяющийся среди многочисленных надписей на ковчеге архиепископа Дионисия Суздальского (1383), до сих пор оставался нерасшифрованным. В статье показано, что он представляет собой билингву — соединение трех тетраграмм, кодирующих краткие речения, посвященные Кресту, и представленных

параллельно в греческой и славянской версиях. В таком прочтении криптограмма оказывается ключевым памятником традиции «крестных словес», перенесенной на Русь во второй половине XIV в. от южных славян и получившей на ее землях оригинальное развитие. Структурная уникальность криптограммы позволяет видеть в ней авторское произведение Дионисия Суздальского. Обращение Дионисия к данной форме ставрографии, процветавшей в XIII–XIV вв. в монастырях Афона и Сербии, косвенно подтверждает уже высказывавшееся мнение о его принадлежности к духовной традиции Афона, связанной со св. Григорием Синаитом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Ковчег Дионисия Суздальского, христианская криптография, ставрография, древнерусская эпиграфика, акронимы, тетраграммы русской церкви.

TITLE

Cryptogram of Dionysius of Suzdal

AUTHOR

Gippius, Alexei Alexeevich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences, HSE University, 21/4 Staraya Basmannaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation 105066. agippius@mail.ru

ABSTRACT

The 24-letter cryptogram, which stands out among the numerous inscriptions on the reliquary of Archbishop Dionysius of Suzdal (1383), has so far not been deciphered. The article shows that it is bilingual: we are dealing with a combination of three tetragrams, encoding brief sayings dedicated to the Cross and presented in parallel in the Greek and Slavonic versions. With this interpretation the cryptogram becomes a key monument of the tradition of «Cross sayings», which was brought to Russia in the second half of the 14th century from the Balkans and underwent original development in its land. The structural uniqueness of the cryptogram allows treating it as the work of Dionysius of Suzdal. Dionysius's use of this form of Christian cryptography, which flourished in the 13th–14th centuries in the monasteries of Athos and Serbia, indirectly confirms the opinion already expressed that he belonged to the spiritual tradition of Athos associated with St. Gregory of Sinai.

KEYWORDS

Reliquary of Archbishop Dionysius of Suzdal, Christian cryptography, Old Rus epigraphy, acronyms, tetragrams.

REFERENCES

Avdeev A.G. From the history of ancient Russian epigraphy and stavrography. 3. On the issue of the origin and development of alphabetic acronyms on the Calvary crosses in Ancient Russia. *Problemy teologii. Vyp. 5. Materialy 5-j Mezhdunarodnoj bogoslovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ros. gos. prof.-ped. un-t. (Problems of theology. Issue 5. Materials of the 5th International theological scientific-practical conference. Russian State Vocational Pedagogical University)*. Ekaterinburg, RSVPU Publ., 2009, pp. 322–415 (in Russian).

- Babić G. Les croix à cryptogrammes, peintes dans les églises serbes des XIIIe et XIVe siècles. *Slaves: études de civilisation, Mélanges Ivan Dujčev*. Paris, Association des amis des études archéologiques des mondes byzantino-slaves et du christianisme oriental, 1979, pp. 1–13 (in French).
- Bulychev A.A. From the history of Russian-Greek church and cultural relations in the second half of the 14th century (the fate of St. Dionysius of Suzdal). *Vestnik cerkovnoj istorii (Church History Bulletin)*, 2006, no. 4, pp. 87–121 (in Russian).
- Chakovskaya L.S. Lamps of dialogue: Christian lamps of the Byzantine period with a menorah and their cultural context. *Veshch', simbol, znak v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii (Thing, symbol, sign in the Slavic and Jewish cultural tradition)*. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2019, pp. 43–61 (in Russian).
- Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. (*Spiritual and contractual letters of the great and appanage princes of the 14th–16th centuries*). Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1950. 586 p. (in Russian).
- Džurova A. Les codices unci dans Byzance après Byzance. Suppl. D. gr. du XVIIe siècle, manuscrit inédit teint en pourpre du Centre de Recherches Slavo-Byzantines “Ivan Dujčev” (Notes préliminaires). *Palaeoslavica*, 2002, no. 10/1, pp. 65–78 (in French).
- Gamillscheg E. Bemerkungen zu Kreuzdarstellungen mit Tetragramen. *Estudios bizantinos*. 3 (2015), pp. 21–28 (in German).
- Gelzer H. Byzantinische Inschriften aus Westmakedonien. Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, 1902, Nr. 27, pp. 431–444 (in German).
- Gippius A.A., Miheev S.M. To the reading of the records of the Arkhangelsk Gospel of 1092. *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki (Ancient Russia: issues of medieval studies)*. 2020, no. 2, pp. 78–97 (in Russian).
- Gromov M.N., Prohorov G.M., Miklas X, Bil'dyug A.B. (eds.). “Dioptra” Filippa Monotropa: antropologicheskaya enciklopediya pravoslavnogo Srednevekov'ya (“Dioptra” by Philip Monotrope: An Anthropological Encyclopedia of the Orthodox Middle Ages). Moscow, Nauka Publ., 2008. 733 p. (in Russian).
- Karadzhoza D. About the content for some cryptograms around the image of the cross. *Arheografski prilozi (Archaeological Appendices)*. 26–27. Belgrade, 2004–2005, pp. 413–448 (in Serbian).
- Loffreda S. *Light and Life. Ancient Christian Oil Lamps of the Holy Land*. Jerusalem, Franciscan Printing Press, 2001. 56 p.
- MacRobert C.M. Alphabetic Suspension in Glagolitic and Cyrillic Manuscripts. *Slovo. Sv.* 56–57 (2006–2007). Zagreb, 2008, pp. 319–332.
- Mahan'ko M.A. Ark of Archbishop Dionysius of Suzdal. *Pravoslavnaia Entsiklopediia (Orthodox Encyclopedia)*, vol. 36. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2010, pp. 182–184 (in Russian).
- Mutafov E. *Hristiyanska kriptografiya. Funkcionalna tipologiya na kriptogramite v pravoslavnoto izkustvo. (Christian Cryptography. A functional typology of cryptograms in Orthodox art)*. Sofia, Institute for Art Research, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 2019. 214 p. (in Bulgarian).
- Pokrovskij N.V. *Evangelie v pamyatnikah ikonografii, preimushchestvenno vizantijskih i russkikh (The Gospel in the monuments of iconography, mostly Byzantine and Russian)*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2001. 564 p. (in Russian).
- Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei. T. 15: Rogozhskij letopisec (*Complete Collection of Russian Chronicles. 15: Rogozhsky historian*). Saint Petersburg, 1922. 136 p. (in Russian).
- Popov G.V. The oldest icon of John of Rylsky in Russia and Dionysius of Suzdal. Experience in interpreting a document of the late 16th century. *Iskusstvo Drevnej Rusi. Problemy ikonografii (Art of Ancient Russia. Iconographic issues)*. Moscow, Ros. Akad. hudozhestv, NII teorii i istorii izobraz. Iskusstv Publ., 1994, pp. 117–135 (in Russian).

- Prohorov G.M. *Drevnerusskoe letopisanie. Vzgljad v nepovtorimoe (Old Russian chronicle. A look into the unique)*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2014. 416 p. (in Russian).
- Rhoby A. Secret Messages? Byzantine Greek Tetragrams and Their Display. *Ars-Hist Papers*. 2013, no. 1. URL: <http://art-hist.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=72> (accessed 20.10.2022).
- Rhoby A. "Das Licht Christi leuchtet allen" — Form und Funktion von Kreuzen mit Tetragrammen in byzantinischen und postbyzantinischen Handschriften. *Byzantine and Post-Byzantine Art: Crossing Borders*. Ed. by E. Moutafov, I. Toth. Sofia, 2018, pp. 71–90 (in German).
- Rybakov B.A. Russian dated inscriptions of the 11th–14th centuries. *Arheologiya SSSR. Svod arheologicheskikh istochnikov. Vyp. E 1–44 (Archeology of the USSR. Code of archaeological sources. Issue E1-44)*. Moscow, Nauka Publ., 1964. 48 p. (in Russian).
- Sterligova I.A. *Ark of Dionysius of Suzdal. Blagoveshchenskij sobor Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya (Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin, Materials and Research)*. Moscow, State Moscow Kremlin Museums Publ., 1999, pp. 280–303 (in Russian).
- Sterligova I.A. *Ark of Dionysius of Suzdal. Hristianskie relikvii v Moskovskom Kremle (Christian relics in the Moscow Kremlin)*. Moscow, Radunica Publ., 2000, pp. 45–52 (in Russian).
- Walter Ch. IC XC NIKA. The Apotropaic Function of the Victorious Cross. *Revue des études Byzantines*, 1997, no. 55, pp. 193–220.
- Yacimirskij A.I. On the history of false prayers in South Slavic writing. II. "Praise to the Cross" as a Prayer and Interpretations of the "Words of the Cross". *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti (Branch of the Russian language and literature)*. Vol. 17. Book 3. Saint Petersburg, 1913, pp. 22–51 (in Russian).

Т.Ю. Царевская

Алексеевский крест как художественный феномен, обстоятельства его создания и место в жизни Новгорода

© 2022

УДК 73.03(470.24-25)"13"

ББК 85.13(2)

Ц18

Поступила в редакцию 29.10.2022

Каменный крест, созданный при новгородском архиепископе Алексии (1359–1388) и установленный его повелением на западном фасаде Софийского собора¹, принадлежит к редчайшим образцам древнерусской монументальной пластики^[илл. 1]. Причем уникален он не только из-за высокого качества резьбы высеченных на нем композиций или своей удивительной сохранности, но в силу действительной редкости такого изделия в виде и технике для искусства Древней Руси и, по всей вероятности, особой значимости в жизни новгородцев.

Историография столь незаурядного произведения внушительна, берет начало с середины XIX в.² Впервые развернутое описание памятника дал архиепископ Макарий (Миролюбов), который привел собственное прочтение надписей, находившихся тогда в более полном виде [Макарий (Миролюбов), 1861. С. 92–94]³. Основная часть последующих исследователей рассматривала Алексеевский крест в контексте изучения феномена типа «креста в круге» с точки зрения семантики формы [Шляпкин, 1907. С. 7, 75, 83 (49–84); Спицин, 1903. С. 203–234], генезиса самого явления каменного креста как такового [Преображенский, 2019. С. 533–536, в примеч. 285 на с. 535 — см. обзор мнений о связи новгородских

- 1 После реставрации 1958 г., в связи с использованием гипса для реконструкции утерянной в 1943 г. нижней ветви, находится в интерьере Софийского собора; с 1997 г. установлен слева от Успенского (Большого) иконостаса.
- 2 Первое упоминание об Алексеевском кресте находится в описи Софийского собора 1858 г., составленной прот. Петром Соловьевым [Описание Новгородского Софийского собора, 1858. С. 6, 7].
- 3 Самый первый снимок был сделан И.Ф. Барщевским в 1886 г. Негатив Алексеевского креста, на стекле, хранится в архиве Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева (№ 832 из архива фотографа). URL: <http://vma.muar.ru/ru/subjects/alekseevskiy-krestiv-veka-1886> (дата обращения: 05.12.2022).